

УДК 347

Зарубежные модели фидуциарных правоотношений

Колиева Ангелина Эдуардовна

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра земельного, трудового и экологического права,
Кубанский государственный аграрный университет,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: angelkolieva@mail.ru

Аннотация

В данной статье раскрываются основные зарубежные модели фидуциарных правоотношений. Автор указывает, что для проведения анализа и понимания сути фидуциарных (доверительных) правоотношений необходимо проследить историю развития данных отношений и осуществить сопоставление с зарубежными моделями их регулирования. Подобный анализ нуждается в некоторой классификации по причине значительного объема исследовательской части. Основанием для градации в данном случае послужила принадлежность страны исследования к той или иной правовой системе: континентальной, англосаксонской, мусульманской и индийской. Основное внимание при исследовании двух последних следует уделить отношениям доверительной собственности, а также теории юридического лица как необходимой основы права доверительного управления (при наличии бесспорного влияния англосаксонского права развитие национальных институтов является «продуктом» континентальной правовой системы). В рамках континентальной Европы были разработаны относительно независимые правовые конструкции: конструкции договора и конструкции юридического лица, непосредственной основой для которых послужило римское право. На данной концепции основаны институты корпоративного и вещного права в англосаксонской правовой системе. Исходя из указанных теорий, автор делает вывод о том, что, несмотря на то, что в римском праве не было полнообъемного учения о юридических лицах, все же именно в нем была заложена база этого учения. Окончательная разработка теории юридического лица дала жизнь и гражданско-правовой форме, при помощи которой была решена задача объединения имущества множества лиц на базе общности их интересов с одновременным обособлением данного имущества от его экономических собственников с целью, во-первых, ограничить ответственность последних по общим обязательствам, а во-вторых, создать более стабильный имущественный фонд, который в случае изменения интересов только одного участника такого объединения не мог бы развалиться.

Для цитирования в научных исследованиях

Колиева А.Э. Зарубежные модели фидуциарных правоотношений // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 10А. С. 77-86.

Ключевые слова

Фидуция, фидуциарные правоотношения, институт представительства, обязательства, англосаксонская правовая система, континентальная система права, нормативно-правовое строение, доверительная собственность, теория юридического лица.

Введение

Для проведения анализа и понимания сути фидуциарных (доверительных) правоотношений, безусловно, необходимо проследить историю развития данных отношений и осуществить сопоставление с зарубежными моделями их регулирования. Подобный анализ нуждается в некоторой классификации по причине значительного объема исследовательской части. Основанием для градации в данном случае послужила принадлежность страны исследования к той или иной правовой системе: континентальной, англосаксонской, мусульманской и индийской.

Стоит сразу отметить, что в традиционном понимании две последние системы не содержат очерченного нормативно-правового строения (так, к примеру, в средневековой Индии существовал институт вещного права – собственность «бенами», имевшая значительное сходство с английским институтом доверительной собственности. Бенами представляло собой собственность, приобретенную за свои деньги, но от имени другого лица или от своего имени, но переданную другому лицу без каких бы то ни было намерений создать выгоду для этого лица. Как и в доверительной собственности, в основе бенами лежали не только вещные, но и определенные фидуциарные отношения, при которых одно лицо, как правило, находящееся или в определенной зависимости от учредителя бенами, или в родственных отношениях с ним, принимало на себя имущественные права в интересах другого [Крашенинникова, Жидков, 1998, 178].

Несмотря на описанный выше пример, говорить о какой-либо более или менее структурированной системе доверительных отношений ни в рамках мусульманского, ни в рамках индийского права не приходится, чего нельзя сказать о континентальной и англосаксонской правовых системах. Основное внимание при исследовании последних следует уделить отношениям доверительной собственности, а также теории юридического лица как необходимой основы права доверительного управления (при наличии бесспорного влияния англосаксонского права развитие национальных институтов является «продуктом» континентальной правовой системы).

Фидуциарные правоотношения в англосаксонской правовой системе

Так, в рамках континентальной Европы были разработаны относительно независимые правовые конструкции: конструкции договора и конструкции юридического лица, непосредственной основой для которых послужило римское право [Панаева, 2007, 60]. На данной концепции основаны институты корпоративного и вещного права в англосаксонской правовой системе.

Исходя из указанных теорий, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на то, что в римском праве не было полнообъемного учения о юридических лицах, все же именно в нем была заложена база этого учения. По крайней мере это касалось коллективных образований, которые обладали публично-правовой природой: римляне понимали, что имущество, которое принадлежало этим образованиям, а следовательно, и имущественную правоспособность нельзя смешивать с имуществом и правоспособностью отдельных лиц, входящих в это коллективное образование.

Но также, на наш взгляд, следует помнить о том, что понятие об учреждениях даже отдаленно римскому праву не было известно. Следовательно, окончательная разработка теории юридического лица дала жизнь и гражданско-правовой форме, при помощи которой была решена задача объединения имущества множества лиц на базе общности их интересов с одновременным обособлением данного имущества от его экономических собственников с целью, во-первых, ограничить ответственность последних по общим обязательствам, а во-вторых, создать более стабильный имущественный фонд, который в случае изменения интересов только одного участника такого объединения не мог бы развалиться.

Р. Иеринг весьма образно охарактеризовал эту гражданско-правовую форму, указав, что «моменты интереса и распоряжения, совпадающие в естественной правовой форме в одном правомочном лице, распадаются таким образом, что на долю акционеров выпадает интерес без права распоряжения, правлению же предоставляется право распоряжения без интереса» [Иеринг, т. 1, 2006, 232].

Итак, в романо-германской системе юридическое лицо – это, прежде всего, форма, при помощи которой экономический собственник для достижения определенных целей лишается возможности распоряжаться этим имуществом, и в то же время эту возможность приобретает орган юридического лица (т. е. другой или другие физические лица – единоличные управляющие, правление, наблюдательный совет и т. п.), обязующийся действовать в интересах экономического собственника, или, говоря научным языком, имеет место разделение капитала-функции и капитала-собственности [Венедиктов, 1949, 246-252, 260-269; Лазар, 1985, 67-83].

Фидуциарные правоотношения в континентальной системе права

В континентальной правовой системе собственник имущества, оставаясь таковым, имеет возможность управлять принадлежащим ему имуществом как самостоятельно, так

и создав искусственную конструкцию юридического лица, выделив, таким образом, некую часть своего имущества и доверив управление этим имуществом наемным работникам или иным лицам, так или иначе зависящим от него, либо передав его другому лицу, которое будет управлять им, основываясь на договорных гражданско-правовых обязательствах.

Собственник при этом может вообще самоустраниться от управления своим собственным имуществом, или управлять им совместно с другими собственниками посредством объединения как непосредственно самого имущества, так и усилий, направленных на управление им, без образования юридического лица (по договору простого товарищества) или путем его создания (хозяйственное товарищество).

Фактически в странах, где господствует континентальная правовая система, фидуциарные сделки и доверительные правоотношения не тождественны, так как развитие конструкции юридического лица сделало возможным разделение их на договорные и корпоративные, несмотря на то, что существенных различий между ними нет.

Свой традиционный институт «доверительной собственности» англосаксонская правовая система использовала, имея под собой определенную историческую подоплеку. Так, в XII-XIII веках в этих странах широко применялась практика, при которой вассалы, во избежание феодальных повинностей, связанных с использованием поместья, полученного от лендлорда (или по причине участия в крестовых походах), формально передавали его в собственность иному лицу, которое в дальнейшем получило наименование доверительного собственника – trustee.

Для третьих лиц trustee выступал как истинный собственник, а по отношению к вассалу, передавшему ему имение, он обязан был управлять им в его интересах, после смерти вассала – управлять в интересах его наследника, т. е. третьего лица, которое позднее стало именоваться «бенефициаром». В случае если доверительный собственник отказывался управлять имением в соответствии с договоренностью, против него нельзя было подать иск в суд с целью принудить его выполнять взятые им обязательства по управлению доверительной собственностью, так как, по сути, он был единственным собственником поместья, из чего следовало, что он мог распоряжаться поместьем по своему усмотрению [Турышев, 1997, 57; Ковалев, 1999, 81].

Как известно, исторически так сложилось, что английская система судостройства была очень сложна. Функционировали суды «общего права» – суд королевской скамьи (Court of King's Bench), суд казначейства (Court of the Exchequer), суд общих исков (Court of Common Pleas), при этом строго разграниченных компетенций между ними не было. Каждый из этих судов делал все для того, чтобы расширить свою компетенцию, расширяя сферу своего влияния на такие отношения, на которые изначально распространять ее не предполагалось. Это, в свою очередь, оказало существенное влияние на развитие всей англосаксонской правовой системы.

Со второй половины XIV века весомое значение приобретает суд лорд-канцлера, который занимался просьбами к королю о «милости и справедливости». Просьбы эти исходили от

лиц, недовольных решениями судов «общего права». Так как лорд-канцлер действовал от имени короля, он не был связан в своей деятельности никакими нормами права (по причине того, что он действовал от имени абсолютного монарха, по природе своего положения не связанного ни с чем и ничем), действуя только по принципам справедливости (equity), откуда и проистекает название этого суда – «суд справедливости» (Court of Equity). И хотя лорд-канцлер, а позже суд лорда-канцлера, не имел права отменить решения суда общего права, но он имел право внести такие весомые коррективы в исполнение решений, которые кардинально могли изменить само решение.

Это положение вещей имеет место и в настоящее время: учредитель доверительной собственности (settlor), передавая имущество одному либо нескольким лицам (trustee), оговаривает, что им – этим имуществом – будут управлять в интересах одного или нескольких лиц (beneficiary). Учредитель траста и выгодоприобретатель (beneficiary) могут совпадать. В роли бенефициаров могут быть как определенные лица – частный траст, так и индивидуально неопределенный круг лиц – население города, учащиеся какого-либо заведения – публичный траст [Дженкс, 1947, 320; Нарышкина, 1964, 6].

Каково же содержание того права, которым наделяется trustee на переданное ему имущество, считаясь собственником по обычному праву (legalownership)? Далее рассмотрим содержание того права, которым наделяется trustee на переданное ему имущество, являясь собственником этого имущества по обычному праву (legalownership).

Так, Э. Дженкс рассматривает доверительную собственность как обязательство действовать в интересах иного лица так, как если бы эти интересы касались самого себя, то есть доверительная собственность руководствуется правилами морали [Дженкс, 1947, 322]. Но действовать так – не значит действовать из предположения, как мог бы поступить учредитель траста в каждом определенном случае. Действовать так, как если бы эти интересы касались самого себя, значит руководствоваться необходимостью с экономической точки зрения наиболее эффективно управлять доверенным имуществом.

Другими словами, по англосаксонскому праву в самом понятии «право доверительной собственности» содержатся прямые запреты и дополнительные обязанности (кроме обязанности содержания своего имущества), которых нет в континентальном праве.

Например, в континентальном праве право собственности обычно трактуется как наиболее полное вещное право, которое позволяет его обладателю обращаться с вещью по своему желанию, но в установленных законом границах. Исходя из сказанного, доверительная собственность по определению не может сравниться с таким явлением, как «собственность» в континентальном праве, так как, несмотря на то, что доверительный собственник, формально являясь собственником (legalownership), на самом деле обязан использовать принадлежащее ему имущество не для достижения своих целей или интересов и не по «своему произволу», а в интересах учредителя доверительного управления или какого-либо другого указанного им лица (бенефициара) [Нарышкина, 1964, 21].

Как видно, неидентичность таких понятий права, как «доверительная собственность» и «собственность» в континентальном праве, при анализе отношений доверительной собственности в российской науке ведет за собой разного рода разночтения. К примеру, и сторонники заимствования отечественным правом данного института, и его оппоненты часто сводят к аналогии доверительную собственность, когда одна вещь имеет несколько титулов собственности, и «расщепленную», или «разделенную», собственность, при которой некоторая часть правомочий собственника может принадлежать одному лицу, а часть – иному; либо доверительную собственность сравнивают с ограниченными вещными правами. Интересно то, что обе спорящие стороны в этом случае обращаются к римскому праву, доказывая либо наличие, либо отсутствие в этом праве подобных явлений [Казаков, 2006; Суханов, 2000].

На самом деле такие аналогии неуместны, так как в самой конструкции «доверительная собственность» присутствует не расщепление континентального права собственности на отдельные правомочия, а отделение от него интереса, являющегося обязательным признаком континентального права. И, как результат, на деле получается, что у лица, которое не имеет имущественного интереса (так называемый доверительный собственник) появляется право распоряжаться имуществом, а у лица, имущественно заинтересованного (так называемого бенефициара) этого права нет. Но право доверительного собственника распоряжаться имуществом в данном случае в прямом смысле этого понятия нельзя назвать правом, так как он при отсутствии прямого интереса в имуществе в интересах бенефициара должен распоряжаться им добросовестно и разумно. Отсутствие у доверительного собственника интереса в имуществе не мешает, однако, признать его адептами англосаксонской системы действительным собственником как раз из-за различий в трактовке понятия «собственность» в континентальном и англосаксонском праве [Беневоленская, 1997, 60-71].

Итак, можно сказать, что доверительная собственность является не столько правом, сколько правообязанностью, и, следовательно, ее ни при каких обстоятельствах нельзя сравнивать ни с «расщепленной» собственностью, ни с ограниченным вещным правом.

Следует отметить, что и в континентальной правовой системе, и в англосаксонской институт представительства существует как основанный на фидуции. По нашему мнению, институт представительства сложился в связи со злоупотреблениями со стороны лиц, которые управляли имуществом экономического собственника либо в качестве наемных работников (орган юридического лица), либо на постоянной основе [Хромушин, 2000, 17].

В подобном случае в действующем ГК РФ такие отношения называются «отношения в сфере коммерческого представительства» и существуют в двух формах, которые различаются по степени несовпадений внешней формы и внутреннего наполнения этих правоотношений, а именно: договора поручения и договора, со временем названного «договор комиссии» [Ястребов, 2007, 20]. В первом случае поручитель имел возможность полностью контролировать действия своего представителя, а третьи лица обладали информацией и о том, что лицо

представляет интересы другого лица, и о том, чьи конкретно интересы это лицо представляет. В другом случае поручитель не имел возможности отслеживать действия своего доверенного лица, так как для третьих лиц это лицо выступало от собственного имени, и третьи лица могли находиться в неведении о том, что комиссионер действует не в своих интересах, а уж тем более в чьих интересах он совершает сделку [Новицкий, Перетерский, 2004].

Заключение

Итак, нами было проведено исследование зарубежных моделей фидуциарных правоотношений, и мы имеем возможность подвести некоторые итоги этого исследования.

Развитие моделей фидуциарных правоотношений и в англосаксонской правовой системе, и в континентальной показывает нам, что между собой они имеют несовпадение по внешней форме и экономическому содержанию.

Правоотношения римской эпохи в той или иной форме сохранились в континентальной правовой системе и, естественно, в России, являющейся одной из представительниц данной правовой системы. Мы имеем в виду договоры поручения, комиссии и простого товарищества [Победоносцев, 2003, 490].

Анализируя исторический опыт развития фидуциарных правоотношений в сфере управления, мы, с одной стороны, можем наглядно убедиться в том, что развитие законодательства в этой сфере претерпело большие сложности, что между политикой государства в области управления экономикой и экономическим укладом жизни имеется очень тесная связь. А с другой стороны, имея относительную стабильность правового регулирования рассматриваемых отношений, которую обеспечивает Гражданский кодекс РФ, все же на этом рано ставить точку [Тальчиков, 2009, 18].

Библиография

1. Беневоленская З.Э. Проблемы правового регулирования доверительного управления имуществом в сфере предпринимательства: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., 1949. 839 с.
3. Дженкс Э. Английское право. М., 1947. 378 с.
4. Иеринг Р. Цель в праве // Избранные труды. В 2 т. Т. 1. СПб., 2006. 618 с.
5. Казаков А. К вопросу о рецепции траста российским правом // Корпоративный юрист. 2006. № 7. С. 20-25.
6. Ковалев С.И. Доверительное управление имуществом в зарубежном и российском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 166 с.
7. Крашенинникова Н.А., Жидков О.А. (ред.). История государства и права зарубежных стран. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1998.

8. Лазар Я. Собственность в буржуазной правовой теории: пер. с нем. М., 1985. 182 с.
9. Нарышкина Р.Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М.: Юридическая литература, 1964.
10. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. (ред.). Римское частное право. М., 2004. 314 с.
11. Панаева Э.А. Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности господствующего предприятия перед зависимым предприятием в результате нарушения фидуциарной обязанности по праву Германии // Международное публичное и частное право. 2007. № 5. С. 60-62.
12. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М., 2003. 622 с.
13. Суханов Е.А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С. 81-94.
14. Тальчиков С.А. Понятие и содержание договора простого товарищества в предпринимательской сфере: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 224 с.
15. Турышев П.В. Траст и договор доверительного управления имуществом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 162 с.
16. Хромушин С.В. Доверительное управление в качестве профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг (правовые аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 180 с.
17. Ястребов И.С. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора простого товарищества: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.

Foreign models of fiduciary relationships

Angelina E. Kolieva

PhD in Law, Associate Professor,
Department of land, labor and environmental law,
Kuban State Agrarian University,
350044, 13 Kalinina st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: angelkolieva@mail.ru

Abstract

This article reveals the main foreign models of fiduciary relationships. The author points out that for the analysis and understanding of the fiduciary (trust) relationships it is necessary to trace the history of the development of these relations and to carry out a comparison with foreign models of regulation. Such an analysis requires a certain classification because of the considerable amount

of research. The basis for grading in this case has served a belonging of the country to some legal system: Continental, Anglo-Saxon, Muslim and Indian. The focus of the study of Muslim and Indian legal systems should be given to trust relationship, as well the theory of a legal entity as the necessary basis of trust management rights. In continental Europe there have been developed relatively independent legal structures on the basis of the Roman law: the structure of the contract and the structure of the legal entity. This concept was a basis for institutions of corporate and property law in the Anglo-Saxon legal system. The author comes to the conclusion that, despite the fact that Roman law didn't have a complete doctrine on legal entities, yet it was the foundation of this doctrine. Final development of the theory of legal entities gave birth to civil legal form, which has solved the problem of combination of property of individuals on the basis of their common interests with simultaneous isolation of this property from its economic owners in order to limit their liability of common obligations and to create a more stable property fund, which would be ruined if only one member of the association changes the interests.

For citation

Kolieva A.E. (2016) Zarubezhnye modeli fidutsiarnykh pravootnoshenii [Foreign models of fiduciary relationships]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (10A), pp. 77-86.

Keywords

Fiduciary relationship, representative institution, obligations, Anglo-Saxon legal system, continental legal system, regulatory structure, trust property, theory of legal entity.

References

1. Benevolenskaya Z.E. (1997) *Problemy pravovogo regulirovaniya doveritel'nogo upravleniya imushchestvom v sfere predprinimatel'stva. Dokt. Diss.* [Problems of legal regulation of property trust management in business. Doct. Diss.]. Saint Petersburg.
2. Dzhensk E. (1947) *Angliiskoe pravo* [English law]. Moscow.
3. Iering R. (2006) Tsel' v prave [The purpose in the right]. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1* [Selected works. In 2 vol. Vol. 1]. Saint Petersburg.
4. Kazakov A. (2006) K voprosu o retseptsii trasta rossiiskim pravom [On the question of the reception of the trust Russian right]. *Korporativnyi yurist* [Corporate lawyer], 7, pp. 20-25.
5. Khromushin C.B. (2000) *Doveritel'noe upravlenie v kachestve professional'noi deyatel'nosti na rynke tsennykh bumag (pravovye aspekty). Dokt. Diss.* [Asset management as a professional activity in the securities market (legal aspects). Doct. Diss.]. Saint Petersburg.
6. Kovalev S.I. (1999) *Doveritel'noe upravlenie imushchestvom v zarubezhnom i rossiiskom prave. Dokt. Diss.* [Trust management of assets in the foreign and Russian right. Doct. Diss.]. Moscow.

7. Krashennnikova N.A., Zhidkov O.A. (eds.) (1998) *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of state and law of foreign countries]. Moscow: NORMA-INFRA M Publ.
8. Lazar Ya. (1985) *Sobstvennost' v burzhuaznoi pravovoi teorii* [Property in the bourgeois legal theory]. Moscow.
9. Naryshkina R.L. (1964) *Doveritel'naya sobstvennost' v grazhdanskom prave Anglii i SShA* [Trust in the civil law of England and the United States]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
10. Novitskii I.B., Pereterskii I.S. (eds.) (2004) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]. Moscow.
11. Panaeva E.A. (2007) Nekotorye aspekty grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti gospodstvuyushchego predpriyatiya pered zavisimym predpriyatiem v rezul'tate narusheniya fidutsiarnoi obyazannosti po pravu Germanii [Some aspects of the civil liability of the dominant enterprise to an affiliate of a breach of fiduciary duty by German law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law], 5, pp. 60-62.
12. Pobedonostsev K.P. (2003) *Kurs grazhdanskogo prava. Chast' tret'ya: Dogovory i obyazatel'stva* [The course of civil law. P. III: contracts and commitments]. Moscow.
13. Sukhanov E.A. (2000) Dogovor doveritel'nogo upravleniya imushchestvom [A contract of trust management of property]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of federal arbitration courts of the Russian Federation], 1, pp. 81-94.
14. Tal'chikov S.A. (2009) *Ponyatie i sodержanie dogovora prostogo tovarishchestva v predprinimatel'skoi sfere. Dokt. Diss. Abstract* [The concept and content of the partnership agreement in the field of business. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
15. Turyshev P.V. (1997) *Trast i dogovor doveritel'nogo upravleniya imushchestvom. Dokt. Diss.* [Trust and fiduciary management contract. Doct. Diss.]. Moscow.
16. Venediktov A.B. (1949) *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State socialist property]. Moscow.
17. Yastrebov I.S. (2007) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenii, vznikayushchikh iz dogovora prostogo tovarishchestva. Dokt. Diss. Abstract* [Civil-law regulation of the relations arising from the partnership agreement. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.